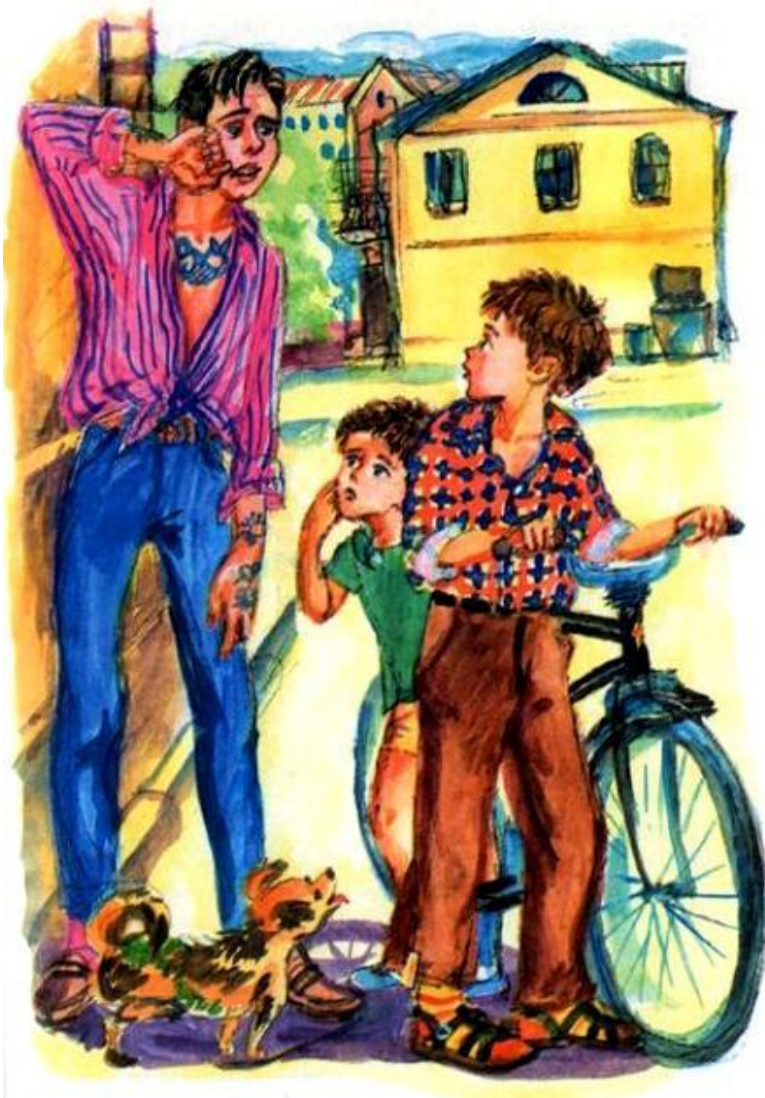

У Ваньки Дыхова был велосипед. Довольно старый, но все-таки ничего. Раньше это был велосипед Ванькиного папы, но, когда велосипед сломался, Ванькин папа сказал:

— Вот, Ванька, чем целый день гонка гонять, на тебе эту машину, отремонтируй ее, и будет у тебя свой велосипед. Он, в общем, еще хоть куда. Я его когда-то на барахолке купил, он почти новый был.

И Ванька так обрадовался этому велосипеду, что просто трудно передать. Он его утащил в самый конец двора и совсем перестал гонка гонять — наоборот, он целый день возился со своим велосипедом, стучал, колотил, отвинчивал и привинчивал. Он весь чумазый стал, наш Ванька, от машинного масла, и пальцы у него были все в ссадинах, потому что он, когда работал, часто промахивался и попадал сам себе молотком по пальцам. Но все-таки дело у него ладилось, потому что у них в пятом классе проходят слесарное дело, а Ванька всегда был отличником по труду. И я Ваньке тоже помогал чинить машину, и он каждый день говорил мне:

— Вот погоди, Дениска, когда мы ее починим, я тебя на ней катать буду. Ты сзади, на багажнике, будешь сидеть, и мы с тобой всю Москву изъездим!

И за то, что он со мной так дружит, хотя я всего только во втором, я еще больше ему помогал и, главное, старался, чтобы багажник получился красивый. Я его четыре раза черным лаком покрасил, потому что он был все равно что мой собственный. И он у меня так сверкал, этот багажник, как новенькая машина «Волга». И я все радовался, как я буду сидеть на нем, и держаться за Ванькин ремень, и мы будем носиться по всему миру.

И вот однажды Ванька поднял свой велосипед с земли, подкачал шины, протер его весь тряпочкой, сам умылся из бочки и застегнул брюки внизу бельевыми защелками. И я понял, что приближается наш с ним праздник. Ванька сел на машину и поехал. Он сначала объехал не торопясь вокруг двора, и машина шла под ним мягко-мягко, и было слышно, как приятно трутся о землю шины. Потом Ванька прибавил скорости, и спицы засверкали, и Ванька пошел выкомаривать номера, и стал петлять и крутить восьмерки, и разгонялся изо всех сил, и сразу резко тормозил, и машина останавливалась под ним как вкопанная. И он по-всякому ее испытывал, как летчик-испытатель, а я стоял и смотрел, как механик, который стоит внизу и смотрит на штуки своего пилота. И мне было приятно, что Ванька так здорово ездит, хотя я могу, пожалуй, еще лучше, во всяком случае не хуже. Но велосипед был не мой, велосипед был Ванькин, и нечего тут долго разговаривать, пускай он делает на нем все, что угодно. Приятно было видеть, что машина вся блестит от краски, и невозможно было догадаться, что она старая. Она была лучше любой новой. Особенно багажник. Любо-дорого было смотреть на него, прямо сердце радовалось.

И Ванька скакал так на этой машине, наверно, с полчаса, и я уже стал побаиваться, что он совсем забыл про меня. Но нет, напрасно я так подумал про Ваньку. Он подъехал ко мне, ногой уткнулся в забор и говорит:

— Давай влазь.

Я, пока карабкался, спросил:

— А куда поедем?

Ванька сказал:

— А не все равно? По белу свету!

И у меня сразу появилось такое настроение, как будто на нашем белом свете живут одни только веселые люди и все они только и делают, что ждут, когда же мы с Ванькой к ним приедем в гости. И когда мы к ним приедем — Ванька за рулем, а я на багажнике, — сразу начнется большущий праздник, и флаги будут развеваться, и шарики летать, и песни, и эскимо на палочке, и духовые оркестры будут греметь, и клоуны ходить на голове.

Такое вот у меня было удивительное настроение, и я примостился на свой багажник и схватился за Ванькин ремень. Ванька крутнул педали, и... прощай, папа! Прощай, мама! Прощай, весь наш старый двор, и вы, голуби, тоже до свиданья! Мы уезжаем кататься по белу свету!

Ванька вырулил со двора, потом за угол, и мы поехали разными переулками, где я раньше ходил только пешком. И все теперь было совершенно по-другому, незнакомое какое-то, и Ванька все время позванивал в звонок, чтобы не задавить кого-нибудь: ззь! ззь! ззь!..

И пешеходы выпрыгивали из-под нашей машины, как куры, и мы мчались с неслыханной быстротой, и мне было очень весело, и на душе было свободно, и очень хотелось горланить что-нибудь отчаянное. И я горланил букву «а». Вот так: аааааааааааа! И очень смешно получилось, когда Ванька въехал в один старенький переулок, в котором дорога была вся в булыжниках, как при царе Горохе. Машину стало трясти, и моя оралка на букву «а» стала прерываться, как будто стоило ей вылететь изо рта, как кто-то сразу обрезал ее острыми ножичками и кидал на ветер. Получалось: а! а! а! а! а! Но потом опять подвернулся асфальт, и все снова пошло как по маслу: аааааааааааа!

И мы еще долго ездили по переулкам и наконец очень устали. Ванька остановился, и я спрыгнул со своего багажника. Ванька сказал:

— Ну как?

— Блеск! — сказал я.

— Тебе удобно было?

— Как на диване, — сказал я, — еще удобней. Что за машина! Прямо экстра-класс!

Он засмеялся и пригладил свои растрепанные волосы. Лицо у него было пыльное, грязное, и только глаза сверкали — синие, как тазики в кухне на стене. И зубы блестели всюду.

И вот тут-то к нам с Ванькой и подошел этот парень. Он был высокий, и у него был золотой зуб. На нем была полосатая рубашка с длинными рукавами, и на руках у него были разные рисунки, портреты и пейзажи. И за ним плелась такая лохматенькая собачушка, сделанная из разных шерстей. Были кусочки шерсти черненькие, были беленькие, попадались рыженькие, и был один зеленый... хвост у нее завивался крендельком, одна нога поджата. Этот парень сказал:

— Вы откуда, ребята?

Мы ответили:

— С Трехпрудного.

Он сказал:

— Она! Молодцы! Откуда доехали! Это твоя машина?

Ванька сказал:

— Моя. Была отцовская, теперь моя. Я ее сам отремонтировал. А вот он, — Ванька показал на меня, — он мне помогал.

Этот парень сказал:

— Да... Смотри ты. Такие неказистые ребята, а прямо химики-механики.

Я сказал:

— А это ваша собака?

Этот парень кивнул:

— Ага. Моя. Это очень ценная собака. Породистая. Испанский такс.

Ванька сказал:

— Ну что вы! Какая же это такса? Таксы узкие и длинные.

— Не знаешь, так молчи! — сказал этот парень. — Московский там или рязанский такс — длинный, потому что он все время под шкафом сидит и растет в длину, а это собака другая, ценная. Она верный друг. Кличка — Жулик.

Он помолчал. Потом вздохнул три раза и сказал:

— Да что толку? Хоть и верный пес, а все-таки собака. Не может мне помочь в моей беде...

И у него на глазах появились слезы. У меня прямо сердце упало. Что с ним?

Ванька сказал испуганно:

— А какая у вас беда?

Этот парень сразу покачнулся и прислонился к стене.

— Бабушка помирает, — сказал он и стал часто-часто хватать воздух губами и всхлипывать. — Помирает бабуся... У ней двойной аппендицит... — Он посмотрел на нас искоса и добавил: — Двойной аппендицит, и корь тоже...

Тут он заревел и стал вытирать слезы кулаком. У меня заколотилось сердце. А парень прислонился к стенке поудобнее и стал выть довольно громко. А его собака, глядя на него, тоже завывала. И они оба так стояли и выли, жутко было слышать. От этого воя Ванька даже побледнел под своей пылью. Он положил руку на плечо этому парню и сказал дрожащим голосом:

— Не войте, пожалуйста! Зачем вы так воете?

— Да как же мне не выть, — сказал этот парень и замотал головой, — как же мне не выть, когда у меня нет сил дойти до аптеки! Три дня не ел!.. Ай-уй-уй-уй!..

И он еще хуже завыл. И ценная собака такс тоже. И никого вокруг не было. И я прямо не знал, что делать.

Но Ванька не растерялся нисколько.

— А рецепт у вас есть? — закричал он. — Если есть, давайте его поскорее сюда, я сейчас же слетаю на машине в аптеку и привезу лекарство. Я быстро слетаю!

Я чуть не подскочил от радости. Вот так Ванька, молодец! С таким человеком не пропадешь, он всегда знает, что надо делать.

Сейчас мы с ним привезем этому парню лекарство и спасем его бабушку от смерти. Я крикнул:

— Давайте же рецепт! Нельзя терять ни минуты!

Но этот парень задергался еще хуже, замахал на нас руками, перестал выть и заорал:

— Нельзя! Куда там! Вы что, в уме? Да как же это я пушу двух таких пацанят на Садовую? А? Да еще на велосипеде! Вы что? Да вы знаете, какое там движение? А? Вас там через полсекунды в клочки разорвет... Куда руки, куда ноги, головы отдельно!.. Ведь грузовики-пятитонки! Краны подъемные мчатся!.. Вам хорошо, вас задавит, а мне за вас отвечать придется! Не пушу я вас, хоть убейте! Пускай лучше бабушка умрет, бедная моя Февронья Поликарповна!..

И он снова завыл своим толстым басом. Ценная собака такс вообще выла без остановки. Я не мог этого вынести — что этот парень такой благородный и что он согласен рисковать бабушкиной жизнью, только бы с нами ничего не случилось. У меня от всего этого губы стали кривиться в разные стороны, и я понял, что еще немножко, и от этих дел я завою не хуже ценной собаки. Да и у Ваньки тоже глаза стали какие-то подмоченные, и он хлюпнул носом:

— Что же нам делать?

— А очень просто, — сказал этот парень деловитым голосом. — Один только выход и есть. Давайте ваш велосипед, я на нем съезжу. И сейчас вернусь. Век свободы не видать!.. — И он провел ладонью поперек горла.

Это, наверно, была его страшная клятва. Он протянул руку к машине. Но Ванька держал ее довольно крепко. Этот парень подергал ее, потом бросил и снова зарыдал:

— Ой-ой-ой! Погибает моя бабушка, погибает ни за понюх табаку, погибает ни за рубль за двадцать... Ой-уюю...

И он стал рвать со своей головы волосы. Прямо вцепился и рвет двумя руками. Я уже не смог выдержать такого ужаса. Я заплакал и сказал Ваньке:

— Дай ему велосипед, ведь умрет бабушка! Если бы у тебя так?

А Ванька держится за велосипед и рыдает в ответ:

— Лучше уж я сам съезжу...

Тут этот парень посмотрел на Ваньку безумными глазами и захрипел как сумасшедший:

— Не веришь, да? Не веришь? Жалко на минутку дать свой драндулет? А старушка пусть помирает? Да? Бедная старушка, в беленьком платочке, пусть помирает от кори? Пускай, да? А пионер с красным галстуком жалеет драндулет? Эх вы! Душегубы! Собственники!..

Он оторвал от рубашки пуговку и стал топтать ее ногами. А мы не шевелились. Мы совершенно изревелись с Ванькой. Тогда этот парень вдруг ни с того ни с сего подхватил с земли свою ценную собаку такс и стал совать ее то мне, то Ваньке в руки:

— Нате! Друга вам отдаю в залог! Верного друга отдаю! Теперь веришь? Веришь или нет?! Ценная собака идет в залог, ценная собака такс!

И он все-таки всунул эту собачонку Ваньке в руки, и тут меня осенило.

Я сказал:

— Ванька, он же собаку оставляет нам как заложника. Ему теперь никуда не деться, она же его друг, и к тому же ценная. Дай машину, не бойся.

И тут Ванька дал этому парню руль и сказал:

— Вам на пятнадцать минут хватит?

— Много, — сказал парень, — куда там! Пять минут на все про все! Ну ждите меня тут. Не сходите с места!

И он ловко вскочил на машину, с места ходко взял и прямо свернул на Садовую. И когда сворачивал за угол, ценная собака такс вдруг спрыгнула с Ваньки и как молния помчалась за ним.

Ванька крикнул мне:

— Держи!

Но я сказал:

— Куда там, нипочем не догнать. Она за хозяином побежала, ей без него скучно! Вот что значит верный друг. Мне бы такую...

А Ванька сказал так робко и с вопросом:

— Но ведь она же заложница?

— Ничего, — сказал я, — они скоро оба вернутся.

И мы подождали пять минут.

— Что-то его нет, — сказал Ванька.

— Очередь, наверно, — сказал я.

Потом прошло еще часа два. Этого парня не было. И ценной собаки тоже. Когда стало темнеть, Ванька взял меня за руку.

— Все ясно, — сказал. — Пошли домой...

— Что ясно... Ванька? — сказал я.

— Дурак я, дурак, — сказал Ванька. — Не вернется он никогда, этот тип, и велосипед не вернется. И ценная собака такс тоже!

И больше Ванька не сказал ни слова. Он, наверно, не хотел, чтобы я думал про страшное. Но я все

равно про это думал.

Ведь на Садовой такое движение...